

Загадка Сибири

80
1934
2014
КРАСНОЯРСКИЙ
КРАЙ

◆ Начало на стр. 17

Почему ответ на нее до сих пор не найден

Государство – это мы

Прежде всего я имею в виду «красноярскую шатость», или восстание 1695–1700 годов, многократно описанное, но так и оставшееся уделом местной истории.

Опуская подробности, напомним сюжет. 16 мая 1695 года казаки собрались на крут, свергли главного в городе государева человека воеводу Алексея Башковского, конфисковали его имущество и прогнали. Башковский правил совсем недолго, около года, но зарекомендовал себя человеком до крайности жадным и беспринципным – вымогал взятки, не проявляя ни малейшего снисхождения к горожанам, только пережившим очередную войну и неурожай, присвоил себе казачье жалованье за пять лет. Кроме того, тайком сбывал оружие и боеприпасы главному врагу красноярцев – киргизской «немирной орде», т. е. по сути был государственным изменником.

Вслед изгнанному воеводе в Москву пошла жалоба с описанием его провинностей и просьбой прислать нового начальника, поприветнее.

Однако центральная власть, будто в издевку, направила в Красноярск родного брата Башковского – Мирона. Этот пытался обвинить казаков в пагубном подражании Стеньке Разину,

тате которого все зачинщики «шатости» были оправданы, а воеводы признаны виновными.

Теперь суть. Пять лет городок на Енисее фактически не подчинялся царской власти, последовательно отвергая ее ставленников, поскольку не желал, чтобы им управляли проходимцы. Но при этом за всю «шатость» не было ни убийств притеснителей, ни грабежей (имущество Башковского конфисковали в возмещение украденного жалованья); более того, город выполнял все государственные обязанности – собирал таможенные сборы, ясак и налоги регулярно отправлял в Москву, сам выбирал судей и чиновников, нес караульную службу, воевал.

В 1718 году история повторилась: город перестал повиноваться лихоимцу коменданту Зубову, требуя вернуть прежнего, хорошего – Козлова. Зачинщики были те же, что и у прежней «шатости», – Потылицыны, Мезенины, Чанчиковы, Суриковы, Тюменцев, Злобин... И снова было расследование, и комендант отстранили, и зачинщикам ничего не сделали, правда, с тех пор за красноярцами в канцеляриях укрепились репутация «бунтовщиков».

То есть получился эдакий «антиревизор» – явление невероятно редкое в российской истории. К тому же

ФОТО АНТОНИИ БЕЛОНОСОВА

Сибирь, простите за пафос, дала невданный на «материке» урок государственного поведения русского человека

но ему возразили, что «Степаней Тимофеевич пришел на князья, и на бояр, и на таких же воров, каков ты, Мирон», – и вытолкали взышей.

После Башковских прибыло еще два кандидата, которые пытались вести себя как предшественники, но были отправлены по тому же маршруту. Хуже всех пришлось последнему из присланных – Семену Дурново. Неудачно попытавшись усмирить «бунт», он заперся в малом остроге, и, поскольку терпение красноярцев кончилось, Семена и группу чиновников из его ближнего круга всерьез намеревались убить, но авторитетный среди казаков человек – енисейский письменный голова Степан Самойлович Лисовский – отговорил брать грех на душу. В итоге казаки ограничились тем, что отпустили кандидата, связанного посадили в лодку, набитую камнями, и пустили вниз по Енисею. Дурново чудом выжил и в городе больше не показывался.

Наконец, в 1700 году прибыл Петр Саввич Мусин-Пушкин, который репутацию имел хорошую, вел себя уважительно (Дурново, например, оскорбил казаков тем, что не провёл, как полагалось, строевой смотр и не сказал гарнизону «слова доброго»), организовал расследование, в резуль-

тате которого до сих пор не могут сойтись в правильном именовании этого явления. Назвать его «бунтом» или «восстанием» можно лишь условно, поскольку, формально не повинувшись власти, сибиряки не только не шли против государства, но действовали по принципу «государство – это мы». Не покушаясь на сам принцип власти, исправляли ее, подгоняли под требования закона и собственные понятия о справедливости.

Другие образцы

Есть множество причин тому, что этот редкий пример отношений народа и власти не был взят в качестве образца для будущей «картины мира». Образцом стали другие, почти современные «красноярской шатости» события. За 20 лет до нее Степан Разин идет в габрильский набег на владения Персии, тогдашнего «стратегического партнера» Москвы, потом начинает войну против государства, штурмует города, грабит купцов, тысячами истребляет царских чиновников с ближними, сжигает архивы, бунтует инородцев, нацеливается на столицу, видит себя новым царем. О Степане слагают песни, пишут книги, снимают кино, ставят ему памятники...

Пока следствие разбиралось с причинами второй «красноярской шатости», за тысячи верст, на Дону, Кондратий Булавин, отставная казачья привилегия, объединяется с калмыками и запорожцами для войны с Россией. После убийства Булавина один из его подчиненных – Игнат Некрасов уходит к неизменному врагу России – крымскому хану. Булавин становится очередной иконой «вольной любви», а казаков-некрасовцев до сих пор превозносят ценители «нетронутой старины».

Еще через полвека после последней «красноярской шатости» появится новый герой, «государь Петр Федорович», неполный список жертв которого смотрите

В глубине империи всегда был городок, где с властью умели спорить без убийств, грабежей, потери лица – и добивались своего

в примечаниях к «Истории Пугачева». Ошибка в выборе образца порождает такие же списки, только куда более обширные.

И особенно нелепыми кажутся эти канонизированные «непокорства», когда знаешь, что почти тогда же в глубине империи был городок, где с властью умели спорить без убийств, грабежей, потери лица, и, самое главное, добивались своего.

Вечный вопрос

Отдаю счет отчет, что сравнение образцов некорректное, потому что условия, в которых выясняли отношения с властью красноярцы и Разины-Булавины-Пугачевы, несравнимы. Процесс разделения страны на рабов и господ, начатый Соборным уложением 1649 года и завершенный Екатериной Великой, превратив-

шей половину населения России в движимое имущество, споткнулся где-то на Урале. Поэтому Сибирь выламывалась из российского исторического контекста. Ее не понимали, да и не видели надобности понимать.

В 40–50-х годах XIX века в научных и административных кругах развернулась дискуссия о том, нужна ли вообще России Сибирь. Преобладала позиция, что не нужна: только качает из метрополии соки, переманивает и развращает свободой людей и, наконец, может отделиться, как Северо-Американские Штаты от Англии. Позже, когда лавой хлынуло сибирское золото

У американцев была своя Сибирь – Дикий Запад, в честь которого они создали целый род искусства – вестерн, ставший одновременно историей, образом страны и отпечатком души народа. Самобытность Америки и сейчас держится на канонах вестерна, с его «хорошими парнями», «плохими шерифами», с его религией успеха и священным правом стрелять в любого посягающего на твоё ранчо.

У нас не то что своего вестерна нет, но даже биографии создателей крупнейшей страны мира остаются уделом редких энтузиастов.

Лев Толстой, один из немногих видевших этот провал в русском историческом сознании, собирал материалы для сибирской эпопеи, но замысел остался неполющенным.

Цитата в конце

«Так что же такое сегодня Сибирь? Речь не об огромных растояниях и площадях, не о суровых природных условиях, суровость которых сильно преувеличена, не обо всем том, что прежде всего приходит на ум и стало первыми и роскожными представлениями об этом крае. Нужно заглянуть вглубь вопроса и понять место Сибири в очертаниях некоего единого отечественного здания, в одной из многочисленных пристроек которого, в самом большой, непропорционально вытянутой и малозаселенной, и разместилась эта величина» (Валентин Распутин. «Сибирь, Сибирь...»).

Печально, что такие вопросы остаются – через четыре с половиной столетия после Ермака и три с лишним века после «красноярской шатости».

Александр ГРИГОРЕНКО